

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Белкин Д.С. Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74510 EDN: RZWBRP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74510

Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция**Белкин Дмитрий Семенович**

ORCID: 0009-0003-1532-1958

старший преподаватель; кафедра международного права; Славяно-Греко-Латинская Академия

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 20, каб. 201

✉ dmitryb81@gmail.com[Статья из рубрики "Международное частное право"](#)**DOI:**

10.25136/2644-5514.2025.3.74510

EDN:

RZWBRP

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Аннотация: В статье описано проведенное исследование, посвящённое соотношению норм международного частного права и международного строительного контрактного права при определении применимого права и юрисдикции в трансграничных строительных проектах. Предметом исследования является правовая природа коллизионных и процессуальных норм, применяемых в международных строительных контрактах. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при реализации международных инфраструктурных соглашений, в которых пересекаются частноправовые и публично-правовые элементы. Подробно рассматриваются такие аспекты темы, как доктринальные основания автономии воли сторон, особенности интеграции оговорок о праве и форуме в типовые формы договоров Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК), взаимосвязь коллизионных привязок и процессуальных критериев допустимости споров, а также применение доктрины «принципа развилки» (англ. "fork in the road") в спорах между инвестором и государством. Методология исследования включает формально-юридический анализ

арбитражных регламентов, прецедентный подход и сравнительно-правовой метод с сопоставлением национальных и международных моделей распределения компетенции арбитров. Основными выводами проведенного исследования являются выявление функциональной взаимосвязи между выбором применимого права и определением юрисдикции в контрактах, а также обоснование необходимости комплексного согласования коллизионных и процессуальных условий договора. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация арбитражной практики по разграничению договорных и инвестиционных споров, в частности на основе теста Salini, что позволяет минимизировать риски процессуального дублирования. Новизна исследования заключается в том, что впервые в российской литературе сопоставлены особенности применения статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года и статьи 35 Регламента ЮНСИТРАЛ при отсутствии прямого выбора права сторонами строительного контракта. Установлено, что эффективность применения стандартов МФИК во многом зависит от точного встраивания коллизионных оговорок в публично-правовой контекст конкретной юрисдикции. Автор делает вывод, что современная практика арбитражей МЦУИС, ЮНСИТРАЛ и ППТС подтверждает приоритет инвестиционных норм над национальным правом в части защиты инвестора от недобросовестных действий государственных органов, а также демонстрирует эволюцию понимания автономии воли как механизма синхронизации публичных и частных интересов в сфере строительства.

Ключевые слова:

международное частное право, международное строительное право, МСКП, применимое право, юрисдикция, международный арбитраж, Международная федерация инженеров-консультантов, МФИК, правовые риски, трансграничные строительные проекты

Выбор применимого права и юрисдикции сегодня формирует повестку любого крупного российского инфраструктурного проекта: без чёткого согласования этих параметров стройки задерживаются, дорожают и погружаются в правовую неопределенность. Процессуальные коллизии множатся, по мере того как глобальная строительная индустрия опирается на распределённые цепочки поставок, а инвесторы активнее прибегают к многосторонним механизмам защиты капиталовложений [\[1\]](#).

Современная доктрина международного частного права подчёркивает, что только корректный выбор права и форума способен минимизировать транзакционные издержки. Гипотеза проведённого исследования состояла в том, что совпадение ключевых коллизионных привязок с критериями допустимости юрисдикции обеспечивает максимальную процессуальную экономию независимо от того, рассматривает ли спор МЦУИС, ad hoc-арбитраж ЮНСИТРАЛ или национальный суд.

Исследование преследовало цель выработать научно обоснованные рекомендации по координации коллизионных и процессуальных норм в российской практике по договорам «инжиниринг, снабжение и строительство» (Engineering, Procurement and Construction, EPC), а также при использовании типовых форм контрактов, разработанных Международной федерацией инженеров-консультантов (МФИК). Для этого в исследовании анализируются доктрина, прецеденты и типовые формы контрактов МФИК, выявляются проблемные моменты на стадиях заключения, исполнения и разрешения споров.

Объект исследования — комплекс общественных отношений, возникающих при

реализации трансграничных строительных проектов; предмет — совокупность норм МЧП и международного арбитражного процессуального права, регулирующих определение права и компетентного форума.

Методология включает формально-юридический анализ статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (Вашингтонская конвенция 1965 года), толкование статьи 35 (ранее ст. 33) Регламента ЮНСИТРАЛ, сравнительную оценку ангlosаксонских и континентальных распределений рисков, а также арбитражных прецедентов в области международного строительного контрактного права (МСКП). Сочетание указанных методов позволило раскрыть проблему во всей её многослойности.

Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу, демонстрирующими, что даже при всеобщем признании автономии воли — государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [\[2\]](#). Исследования J. Huang демонстрируют, как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [\[3\]](#). Работа И. Яковлевой о юрисдикции МЦУИС показывает, что формально безупречная арбитражная оговорка может утратить силу, если спор не подпадает под критерии Конвенции, что особенно чувствительно для строительных концессий [\[4\]](#).

Проблему осложняет многоуровневый характер крупных международных строительных и транснациональных инвестиционных договоров: в одном споре смешиваются подрядные и инвестиционные требования. Корректное разграничение этих пластов позволяет трибуналу выбрать надлежащие нормы и предотвратить дублирование процессов.

Российская практика, при всём признании приоритета ДИС над правилами, предусмотренными законом (п. 4, ст. 15 Конституции РФ), пока опирается на ограниченный набор «специальных условий» и не всегда бесконфликтно встраивает стандарты МФИК в международные строительные проекты. Отсюда возникает разрыв между договорной практикой и публично-правовыми гарантиями инвестиционной безопасности. Как указывает в своей работе академик РАН А.Г. Лисицын-Светланов, задача дальнейшего развития правовой системы состоит «не в создании специальных условий для иностранных инвесторов, включая условия об особом порядке рассмотрения споров, а в обеспечении общего инвестиционного режима, основанного на добросовестной конкуренции» [\[5\]](#).

Международные строительные проекты — например, реализуемые по условиям МФИК или договорам «инжиниринг, закупки и строительство» (EPC, Engineering, Procurement and Construction) — зачастую становятся предметом сложных споров с участием иностранных подрядчиков и государств. В таких спорах встаёт вопрос как об определении применимого права, так и о юрисдикции международных арбитражных институтов. В последние десятилетия накопился значительный массив прецедентной практики в рамках трех ключевых механизмов разрешения международных споров: Международного центра по регулированию инвестиционных споров (МЦУИС), арбитражей по регламенту Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и арбитражей, администрируемых Постоянной палатой третейского суда (ППТС).

Заслуживает внимание то, как арбитражные трибуналы определяют и применяют: (1) применимое право — т. е. комплекс норм, регулирующих существо спора; (2) юрисдикцию — т. е. наличие и пределы полномочий рассматривать спор в данных

форумах. На основе анализа решений МЦУИС, арбитражей по правилам ЮНСИТРАЛ и арбитражей под эгидой ППТС выявляются сходства и различия в подходах к вопросам международного частного права, включая коллизионное регулирование и взаимодействие между договорными обязательствами и нормами международных инвестиционных договоров. Далее отражены важные прецеденты – известные дела, связанные с крупными международными строительными контрактами и инфраструктурными проектами.

В арбитраже МЦУИС вопрос о выборе права урегулирован статьёй 42(1)

Вашингтонской конвенции 1965 года. Если стороны прямо не согласовали применимое право, трибунал МЦУИС обязан применять право государства-ответчика (государства места инвестирования), включая его нормы международного частного права, «и такие нормы международного права, которые могут быть применимы». Это означает, что в спорах инвестора с государством по строительному контракту, заключенному, например, с государственным органом, МЦУИС-трибунал будет исходить прежде всего из согласованного сторонами права (например, указания в контракте на применение законодательства конкретной страны). При отсутствии такового – применяется право страны-ответчика, дополненное нормами международного права.

На практике применение статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года приводит к тому, что первоочередным источником регулирования выступают положения ДИС, индивидуального контракта между инвестором и принимающим государством (и др.) и нормы национального права страны, на территории которой осуществляется инвестиционный проект. Международное право в этой системе играет вспомогательную роль: оно применяется в случае пробелов в национальном праве либо используется для коррекции национального регулирования, если его применение противоречит императивным нормам международного публичного порядка. Так, в деле *World Duty Free Company v. Republic of Kenya* (МЦУИС, 2006 г.)^[6] рассматривался контракт, включавший две коллизионные оговорки: одну в пользу применения кенийского права (статья 10(A)), другую – английского права (статья 9 (2)(C)). Арбитражному трибуналу потребовалось соотнести эти системы, выявить их совпадение в части запрета коррупции и применить их кумулятивно. В результате руководствуясь положениями статьи 42 Конвенции МЦУИС и принимая во внимание международные антикоррупционные стандарты, трибунал признал контракт оспоримым и, с учётом своевременно заявленного отказа от исполнения соглашения (в контрмеморандуме Кении от 18 апреля 2003 года), отказал инвестору в защите его требований. Этот кейс подчёркивает, что даже при наличии явно согласованного национального права, арбитражи МЦУИС обязаны учитывать международно-правовые ограничения, в частности запрет коррупции как норму «непреложный закон» (лат. «*jus cogens*») и руководствоваться принципами международного публичного порядка в целях обеспечения справедливого и законного разрешения спора.

В тех случаях, когда инвестиционный спор вытекает из ДИС, строительный контракт нередко включает собственную оговорку о применимом праве (англ. «*applicable law*»); большинство ДИС предусматривают, что спор подлежит разрешению с учётом положений самого договора и «применимых норм международного права». При передаче разбирательства в МЦУИС такая оговорка квалифицируется как соглашение сторон о праве в смысле статьи 42(1) Вашингтонской конвенции 1965 г. Именно так поступил трибунал МЦУИС в деле *Bayindir v. Pakistan* (2009)^[7]: применимыми он признал нормы ДИС Турция–Пакистан 1995 г. и общие принципы международного права, поскольку само соглашение не ссылалось на какое-либо национальное право. Одновременно к

обязательствам, вытекающим из строительного контракта с Национальным агентством автомобильных дорог Пакистана, применялось пакистанское право как право договора; трибунал учитывал эти нормы лишь постольку, поскольку это требовалось для проверки возможных нарушений инвестиционного соглашения, включая оценку правомерности одностороннего расторжения контракта сквозь призму стандарта справедливого и равноправного режима. В precedентном деле *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco* (2001) [\[8\]](#) по контракту МФИК на строительство автомагистрали Рабат – Фес Трибунал МЦУИС отметил, что ни сам контракт, ни ДИС Италия – Марокко не содержат автономной коллизионной оговорки; следовательно, в силу второго предложения ст. 42(1) Вашингтонской конвенции 1965года применимым становится право государства ответчика в совокупности с нормами международного инвестиционного права, прежде всего с положениями самого ДИС. На практике это выражалось в том, что марокканские нормы гражданского и административного права служили для проверки надлежащего исполнения подрядных обязательств, в то время как вопрос о нарушении государством стандартов «справедливого и равноправного режима», «полной защиты и безопасности» и т.п. решался по критериям международного права, к которым Трибунал отнес ДИС как специализированный источник.

В арбитражах *ad hoc* по правилам ЮНСИТРАЛ (в том числе администрируемых ППТС) вопрос применимого права решается на основании арбитражного соглашения сторон и положений регламента ЮНСИТРАЛ. Правило ст. 35 Регламента ЮНСИТРАЛ гласит «арбитражный суд применяет нормы права, которые стороны согласовали как подлежащие применению при решении спора по существу. Если такого согласия нет, суд использует право, которое он сочтет уместным». Поэтому если спор возникает из международного строительного контракта, регулируемого определенным национальным правом (что типично для контрактов МФИК, где в особых условиях обычно указан закон страны проекта), то трибунал ЮНСИТРАЛ применит это выбранное сторонами национальное право. Международное частное право как самостоятельный вопрос встанет только если стороны не указали применимого права. В таком случае арбитры обычно обращаются к коллизионным принципам, часто отдавая предпочтение праву страны, с которой спор наиболее тесно связан (например, праву государства, где находится объект строительства или где основные обязательства должны исполняться).

Во многих спорах «инвестор – государство» по международным строительным контрактам применимое право выводится не столько из самого контракта, сколько из положений ДИС: когда инвестор инициирует арбитраж *ad hoc* по Правилам ЮНСИТРАЛ, ссылаясь на нарушение государством норм ДИС – будь то экспроприация, несправедливое отношение (англ. «failure to accord fair and equitable treatment») или нарушение «зонтичной оговорки» (англ. «umbrella clause») – трибунал, как правило, руководствуется текстом ДИС и нормами международного публичного права, расценивая ссылку на ДИС как автономное соглашение сторон о праве; в результате выбор права в делах ЮНСИТРАЛ совпадает по методологии с практикой МЦУИС, хотя без императива ст. 42(1) Вашингтонской конвенции 1965 г. Иллюстративно решение *Romak v. Uzbekistan* [\[9\]](#): швейцарская компания пыталась квалифицировать одноразовые поставки зерна по типовым контрактам, разработанным Международной ассоциацией торговли зерном и кормами (The Grain and Feed Trade Association, GAFTA), как «инвестицию» в смысле швейцарскоузбекского ДИС; трибунал, применив толкование Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, подтвердил, что охраняемая инвестиция должна предполагать вклад, длительность и риск, а простое перемещение собственности таким критериям не отвечает; вследствие отсутствия инвестиции право применялось лишь к

вопросу юрисдикции и состояло из международных норм толкования ДИС, а не какого-либо национального законодательства, тогда как в спорах, где инвестиционный характер сделки не оспаривается, к чисто договорным аспектам могут подключаться нормы внутреннего права.

В арбитраже *Eurotunnel (Channel Tunnel Group Ltd. & France-Manche S.A. v. UK & France)* [10] применимое право было сформулировано многоуровневой коллизионной оговоркой: в силу ст. 19(6) Договора о фиксированной ЛаМаншской переправе 1986 г. и кл. 40.4 Концессионного соглашения трибунал прежде всего руководствовался самим Договором и Концессионным соглашением, далее — общими принципами международного права, а нормы английского или французского права подлежали учёту лишь постольку, поскольку реализация конкретных обязательств требовала их применения; при этом кл. 41.1 подтверждал, что национальное право действует субсидиарно «насколько это применимо». Трибунал предоставил приоритет Договору и Концессионному соглашению, квалифицировал требования концессионеров как претензии по контракту (англ. «contract claims») и учёл национальные нормы только в той мере, в какой они органично вписывались в согласованный «правовой режим концессии» и не противоречили ему, что иллюстрирует гибкость арбитража ППТС в сочетании международно~~правовых~~ и национально~~правовых~~ элементов в спорах, где частноправовой контракт встроен в более широкий публично~~правовой~~ контекст.

Во всех ключевых арбитражных режимах наблюдается общая логика определения применимого права: при наличии соглашения сторон оно уважительно исполняется, а при его отсутствии арбитры стремятся установить право, наиболее тесно связанное со спором. В инвестиционных делах, администрируемых МЦУИС, в рамках Регламента ЮНСИТРАЛ либо по правилам Постоянной палаты третейского суда, приоритет почти неизменно отдаётся нормам соответствующего инвестиционного соглашения и международному праву, тогда как национальное право привлекается главным образом для решения сугубо договорных вопросов, таких как существование и объём обязательств или последствия их нарушения. Отличия институтов обусловлены в первую очередь положениями их учредительных актов: так, МЦУИС формально предписывает учитывать право государства~~приёмника~~ инвестиций (что может оказаться критичным, если положения ДИС не охватывают некоторый аспект спора), тогда как регламенты ЮНСИТРАЛ и ППТС оставляют трибуналу больше свободы выбрать коллизионный метод. Тем не менее в практике последних десятилетий эти различия фактически нивелированы: трибуналы всех форумов, как правило, выходят на сходные материально~~правовые~~ результаты, применяя либо прямо избранное сторонами право, либо, при его отсутствии, право государства~~ответчика~~ в сочетании с общими принципами международного права. Конвергенцию подходов иллюстрируют, например, споры о вмешательстве государственных судов в исполнение арбитражных решений по строительным контрактам: в делах *Saipem v. Bangladesh* (2009) [11] и *ATA Construction v. Jordan* (2010) [12] трибуналы МЦУИС квалифицировали отмену или фактический срыв исполнения арбитражных решений национальными судами как нарушение международно~~правового~~ обязательства по соблюдению ДИС, несмотря на то, что сами контракты подпадали под право Бангладеш и Иордании; оба состава арбитров опирались на положения договоров об обеспечении справедливого и равноправного режима для инвестиций и на нормы ответственности государств, демонстрируя тем самым приоритет международных стандартов над национальными нормами в случаях нарушения инвесторских прав.

Арбитражная юрисдикция МЦУИС основывается на Вашингтонской конвенции 1965 года и

соглашении сторон спора (как правило, это оговорка в инвестиционном договоре или непосредственно в контракте с государством). Ключевое требование – наличие «инвестиций» в понимании ст. 25(1) Вашингтонской конвенции 1965 года; спор должен прямо вытекать из такой инвестиции. В контексте строительных проектов это означало, что подрядчик-инвестор должен осуществлять существенный вклад в хозяйственную деятельность принимающего государства – строительство инфраструктурного объекта обычно удовлетворяет этому критерию. Так, в уже упомянутом ранее деле *Salini v. Morocco* (2001) трибунал МЦУИС сформулировал знаменитый тест (т. н. «критерии Салини») для определения инвестиции: вклад капитала или иных ценностей, определённая длительность проекта, наличие предпринимательского риска и вклад в развитие принимающей страны. Строительный контракт на возведение автомагистрали в Марокко, финансируемый за счет средств инвестора (итальянской компании) и сопровождающийся переносом технологий и рисками, был признан «инвестицией». Этот подход подтвердился во множестве последующих дел МЦУИС, касавшихся строительства дорог, объектов энергетики, недвижимости и т.д. Например, в рассмотренном выше деле *Bayindir v. Pakistan* (2009), а также в деле *Jan de Nul v. Egypt, Toto Costruzioni v. Lebanon* (2012) [13], итальянский подрядчик требовал компенсацию за задержки при строительстве участка шоссе Saoufar-Mdeirej, ссылаясь на нарушения Ливаном ДИС между Италией и Ливаном 1997 года — прежде всего поздние экспроприации, присутствие сирийских войск и изменение налогов. В решении о юрисдикции 11 сентября 2009 г. трибунал подтвердил, что подрядный договор может быть признан «инвестицией» (англ. «investment») в смысле ст. 25(1) Вашингтонской конвенции 1965 года, применив тест *Salini* и признав вклад в инфраструктуру, длительность и риск проекта; одновременно трибунал отклонил требования, основанные исключительно на договорных обязательствах и не затрагивавшие осуществление суверенных прерогатив государства. Решением от 7 июня 2012 г. трибунал МЦУИС отклонил все требования, заявленные истцом на основании двустороннего инвестиционного соглашения, констатировал принципиальное различие между договорными нарушениями и нарушениями норм международного инвестиционного права, указал, что часть задержек связана с модификациями проекта по инициативе самого подрядчика, и распределил арбитражные расходы поровну между сторонами.

Еще одним условием применения механизмов МЦУИС является наличие «иностранных инвесторов» — физического или юридического лица, обладающего гражданством либо местом инкорпорации в другом государстве участнике Конвенции. Определение национальности нередко сопряжено с правовыми коллизиями, особенно в многоступенчатых структурах акционерного контроля. В спорах по классическим договорам «инжиниринг, закупки и строительство» такие вопросы возникали редко, поскольку подрядчики регистрировались в государствах-сторонах Вашингтонской конвенции 1965 года. Вместе с тем арбитражная практика демонстрирует, что государство-ответчик вправе оспорить статус иностранного инвестора, ссылаясь на утрату им требуемого гражданства или на отсутствие фактического контроля со стороны зарубежных акционеров. Иллюстративен прецедент *Autopista Concesionada de Venezuela v. Venezuela* (2003) [14]: концессионер автомагистрали был венесуэльской компанией, но после передачи контрольного пакета акций иностранной корпорации стороны договора прямо согласовали, что такое общество считается инвестором из государства участника Конвенции. Трибунал подтвердил юрисдикцию, указав, что ст. 25(2)(b) Вашингтонской конвенции 1965 года допускает подобную договорную фиксацию статуса иностранного инвестора независимо от формального места регистрации юридического лица. Исключением остаются случаи, когда инвестор не может документально подтвердить

требуемую национальность: например, в деле *Soufraki v. UAE* (2004) [\[15\]](#) иск был отклонён в связи с утратой истцом итальянского гражданства до даты подачи. Во всех спорах, связанных со строительными проектами, арбитражный трибунал МЦУИС по собственной инициативе проверяет соответствие гражданства инвестора требованиям ст. 25 Конвенции; при установлении у истца гражданства государства ответчика на критические даты, трибунал МЦУИС обязан отказать в юрисдикции, однако это не препятствует инвестору инициировать разбирательство по Правилам ЮНСИТРАЛ или в ППТС, которые не обременены положениями статьи 25 Вашингтонской конвенции 1965 года и руководствуются текстом соответствующего ДИС.

МЦУИС требует, чтобы спор возник непосредственно из инвестиционной деятельности. В строительных контрактах зачастую одновременно имеются «договорные споры» (например, о неоплате выполненных работ, о неправомерном расторжении контракта государственным заказчиком) и возможные «требования по ДИС» (например, об экспроприации, когда государство конфискует технику или материалы, или о нарушении честного режима из-за произвольного вмешательства чиновников). В подобных случаях принципиальным является разграничение: рассматривает ли трибунал только нарушения ДИС или он вправе рассматривать также требования, основанные исключительно на положениях гражданско-правового договора, не затрагивающие норм международного инвестиционного права.

Практика МЦУИС выработала чёткий подход: *договорная оговорка о подсудности* (например, требование обращаться в национальный суд или в коммерческий арбитраж по спорам из контракта) сама по себе **не исключает** юрисдикцию МЦУИС в отношении требований о нарушении ДИС. Инвестор вправе предъявлять требования о нарушении договора о защите инвестиций, даже если те же факты составляют одновременно нарушение контрактных обязательств государства. Знаковым является решение МЦУИС по делу *Vivendi (Compañía de Aguas del Aconquija) v. Argentina* (2007) [\[16\]](#). Данный подход был чётко сформулирован Комитетом МЦУИС по аннулированию в 2002 году, где подчёркнуто, что государство не может ссылаться на исключительную подсудность, установленную контрактом, чтобы избежать квалификации своих действий как международного правонарушения; позиция была подтверждена и при повторном рассмотрении спора в 2007 году. Следовательно, включение в строительный контракт или иной инвестиционный контракт условия о компетенции национальных судов определяет только порядок разрешения чисто договорных претензий и не освобождает государство **принимающую** сторону от ответственности за нарушение обязательств по ДИС. Последующие трибуналы, в том числе по строительным спорам, следовали этому принципу. Например, в рассмотренном ранее деле *Bayindir v. Pakistan* (2009) государство возражало против юрисдикции МЦУИС, указывая, что основной спор — расторжение дорожного контракта — должен рассматриваться по арбитражной оговорке контракта (в той ситуации — через местный арбитраж по праву Пакистана), и что якобы «нет самостоятельного нарушения ДИС». Трибунал МЦУИС отклонил эти доводы, указав, что требования заявителя основаны на положениях инвестиционного договора (об экспроприации, справедливом режиме и т.д.), и даже если они фактически пересекаются с контрактным спором, это не лишает трибунала компетенции. При этом трибунал рассмотрел также и вопрос о соотношении параллельных разбирательств: поскольку по контракту *Bayindir* не завершил арбитраж, а пошёл сразу в МЦУИС, реальной «двойной» процедуры не было. Аналогично, в деле *Toto Costruzioni v. Lebanon* (2012) инвестор — подрядчик дорог — столкнулся с тем, что контрактные претензии должны были рассматриваться административными судами Ливана. Он одновременно заявил нарушения ДИС (Италия–Ливан) из-за задержек и действий властей. Трибунал МЦУИС

признал свою юрисдикцию по требованиям о нарушении ДИС, указав, что они отличаются от чисто контрактных исков и основаны на международном праве. В том же решении Трибунал исследовал применимость доктрины «раздвоение правовой защиты» (англ. «fork in the road»), согласно которой выбор инвестором национального способа разрешения спора блокирует последующее обращение к международному арбитражу, если соответствующее ДИС содержит исключительную оговорку. Поскольку ДИС Италия-Ливан такой оговорки не предусматривало, но устанавливало обязательный двенадцатимесячный период обращения в ливанские суды, Трибунал проанализировал фактические процессуальные действия инвестора: те исковые требования, которые ранее не предъявлялись в национальных судах, были признаны допустимыми (англ. «admissible») к рассмотрению в МЦУИС, тогда как требования, тождественные тем, что уже рассматривались ливанской юрисдикцией, квалифицированы как повторные и потому отклонены как недопустимые (англ. «inadmissible») в силу нарушения в арбитражном производстве принципа запрета повторного рассмотрения идентичных требований (лат. «*ne bis in idem*»), то есть запрета на повторное предъявление одного и того же иска, уже разрешённого по существу ранее».

В ряде ДИС, особенно более ранних, содержится условие, известное как «принцип развилки» (англ. «fork in the road»), согласно которому обращение инвестора за разрешением спора в национальные суды или иной выбранный форум лишает его возможности впоследствии инициировать международный инвестиционный арбитраж. Данное условие имеет существенное значение для международных строительных споров, поскольку подрядчик, обращаясь в национальные суды или коммерческий арбитраж по вопросам исполнения контракта, рискует утратить право на обращение в инвестиционный арбитраж в связи с тем же предметом спора. Иллюстративным примером строгого применения принципа развилки является дело *Pantechniki S.A. Contractors & Engineers v. Albania* (2009) [\[17\]](#), возникшее из дорожного строительства в Албании, когда в результате массовых беспорядков 1997 года имущество греческой компании-подрядчика было разграблено. Инвестор первоначально предъявил иск в албанские суды с целью взыскания компенсации по контракту, ссылаясь на соответствующее условие договора о рисках беспорядков, однако апелляционный суд Албании признал данное условие ничтожным по национальному праву. Не продолжая национальное разбирательство, подрядчик инициировал арбитраж МЦУИС, обосновывая претензии на основе ДИС между Грецией и Албанией, включая нарушение стандартов защиты инвестиций и «отказ в правосудии» (англ. «denial of justice»). Трибунал МЦУИС (единоличный арбитр — Я. Полссон), внимательно исследовав положение о «принципе развилки» и предмет национального и арбитражного разбирательств, пришёл к выводу, что оба спора фактически были основаны на одних и тех же обстоятельствах и преследовали идентичную цель — компенсацию одного и того же ущерба, несмотря на формально разные правовые основания (контракт и ДИС). Трибунал постановил, что инвестор исчерпал возможность защиты через национальные суды, тем самым утратив право обратиться в инвестиционный арбитраж в соответствии с ДИС. Претензии инвестора были отклонены не по причине отсутствия основания по существу, а в силу невозможности применения договора о защите инвестиций после обращения в национальный суд.

Строительные контракты международного характера (особенно МФИК) почти всегда предусматривают многоступенчатую процедуру урегулирования: сначала обращение к Техническому заказчику (межд. Инженеру-консультанту), затем в Совет по урегулированию споров (Dispute Adjudication Board, DAB) – в контрактах до 2017 года и в Совет по предотвращению / урегулированию споров (Dispute avoidance/Adjudication Board, DAAB) с 2017 года, и лишь потом – арбитраж. Аналогично, ДИС нередко требуют

попытаться разрешить спор полюбовно или через местный суд в течение определенного времени (6 месяцев, 1 год и т.п.) перед международным арбитражем. Невыполнение этих предварительных условий обычно рассматривается как вопрос допустимости иска (англ. «admissibility»), а не отсутствия юрисдикции (лат. «*ipso jure*»). Практика показывает, что трибуналы как МЦУИС, так и ЮНСИТРАЛ, стремятся не отвергать иск формально, если предварительная стадия не выполнена, а оценивают, не утратила ли она смысл. Например, 6-месячный период для переговоров в ДИС считается не препятствием к юрисдикции, а процедурным требованием, которое может быть «имплицитно отменено», если государство участвовало в споре по существу без возражений или если переговоры явно бесполезны. В рассмотренном ранее деле *Bayindir v. Pakistan* (2009) истец уведомил о споре, и к моменту регистрации иска 6 месяцев уже прошло – условие считалось выполненным. В деле *SGS v. Pakistan* (2003) [\[18\]](#) трибунал МЦУИС констатировал, что формальное несоблюдение двенадцатимесячного срока консультаций по статье 9 ДИС не лишает арбитраж юрисдикции, если к моменту принятия решения о компетенции указанный срок уже истёк.

Что касается требований о предварительном обращении к DAB/DAAB по контракту МФИК: этот вопрос в инвестиционных разбирательствах встал, например, в рассмотренном выше деле *Pantechniki v. Albania* (2009). В данном деле инвестор попытался сразу предъявить требования как экспроприацию контракта, минуя DAB. Трибунал МЦУИС, однако, сосредоточился на иных основаниях иска («принцип развилки»), не вынося принципиального решения о влиянии непрохождения DAB. В коммерческих же спорах национальные суды также сталкиваются с подобными ситуациями, в частности, Верховный суд Филиппин рассмотрел такое обстоятельство в деле *Hutama-RSEA v. Citra* (2010 г.) [\[19\]](#). Спор возник из EPC контракта на строительстве автодороги Skyway Project между генеральным подрядчиком Citra Metro Manila Tollways Corporation и субподрядчиком Hutama-RSEA Joint Operations, Inc., в результате неоплаты части предусмотренных договором сумм. После неудачных переговоров субподрядчик обратился за разрешением спора в Арбитражную комиссию строительной индустрии Филиппин (CIAC), при этом он не выполнил предусмотренное контрактом (п. 20.4 EPC) обязательное условие предварительного обращения к Совету по рассмотрению споров (DAB). Генеральный подрядчик возразил против юрисдикции CIAC, ссылаясь на несоблюдение процедуры DAB, однако CIAC своим решением от 30 августа 2005 года подтвердила собственную компетенцию рассматривать спор. Citra Metro Manila Tollways Corporation обжаловала это решение в Апелляционный суд Филиппин, который 23 мая 2007 года согласился с генеральным подрядчиком и отменил решение CIAC, указав, что предварительное обращение к DAB обязательно и должно быть выполнено перед арбитражем. В свою очередь, субподрядчик Hutama-RSEA подал апелляцию в Верховный суд Филиппин, который своим решением от 24 апреля 2009 года отменил постановление Апелляционного суда и восстановил решение CIAC, подтвердив её право рассматривать спор по существу. Верховный суд указал, что само наличие арбитражной оговорки в договоре свидетельствует о согласии сторон на арбитраж, а несоблюдение процедуры предварительного обращения к DAB не лишает CIAC полномочий, хотя и может иметь другие последствия, например, повлиять на распределение арбитражных расходов или привести к приостановлению разбирательства для выполнения досудебной процедуры.

ППТС как учреждение не налагает дополнительных требований к юрисдикции – они определяются либо договором между сторонами (согласие на арбитраж), либо регламентом, который стороны выбрали. ППТС администрирует в том числе межгосударственные споры, но в контексте частных инвестиций чаще выступает как

регистратор *ad hoc* арбитражей. В частности, многие крупные арбитражи ЮНСИТРАЛ с государствами по инвестициям в 2010-х гг. администрировались ППТС (напр., споры против Венесуэлы после ее выхода из МЦУИС). В таких случаях условия юрисдикции – это условия соответствующего ДИС. Интересно, что при разрешении споров на базе многосторонних договоров или специальных соглашений ППТС-трибуналы также следуют общей логике. В рассмотренном ранее деле *Eurotunnel*, помимо вопросов применимого права, обсуждалась юрисдикция арбитража относительно некоторых требований, которые, по мнению ответчиков (Великобритании и Франции), выходили за рамки арбитражной оговорки. В итоге часть требований (в частности, о совместной и солидарной ответственности правительств за убытки) была признана не подпадающей под юрисдикцию, поскольку выходила за рамки обязательств государств по концессионному договору. Это подчёркивает: при отсутствии универсального документа вроде Вашингтонской конвенции 1965 года, границы компетенции арбитража ППТС определяются сугубо соглашением сторон.

Результаты настоящего исследования подтверждают, что при выборе применимого права и определении юрисдикции в международных строительных контрактах приоритет достигается лишь при согласованном учёте функционально-отраслевых критерий инвестиционной деятельности, сформулированных в практике МЦУИС. Эти критерии, первоначально систематизированные в прецеденте *Salini* и детально отражённые в доктрине предметной юрисдикции МЦУИС российскими исследователями [20], позволяют надёжно отделять договорные притязания от требований, основанных на международном инвестиционном праве. Проведённое исследование подтверждает, что такое разграничение становится особенно убедительным, когда строительно-концессионные модели совмещают элементы ЕРС-контракта и соглашения о защите инвестиций; при этом коллизионная оговорка, встроенная в типовые условия МФИК, способна функционировать как «юридический мост» между публично-правовым режимом и коммерческой сделкой.

В то же время практические выводы, полученные при анализе арбитражей *ad hoc* ЮНСИТРАЛ, подтверждают опасения, высказанные в связи с нормативной неопределённостью правового статуса Каспийских трубопроводов [21]: отсутствие детально согласованных процедур направления спора в арбитраж по-прежнему увеличивает транзакционные издержки и провоцирует параллелизм разбирательств. На евразийском направлении эти риски усиливаются многоступенчатой договорной сетью ШОС, где, как справедливо подмечено китайскими авторами, наблюдаются коллизии между перегруженной системой ДИС и ростом арбитражных расходов [22].

Унифицирующую роль автономии воли сторон следует оценивать сквозь призму глобализационных вызовов, выделенных в российских исследованиях права мирового развития [23]. Они выводят на первый план проблему баланса между суверенитетом и открытостью правовой системы. Российская конституционная модель уже закрепила приоритет международно-правовых обязательств, что целостно проанализировано в трудах О.Н. Хлестова (раскрывшего эволюцию отечественной позиции от дуалистического восприятия к монистическому) [24] и И.А. Умновой-Конюховой (указавшей на необходимость институциональной адаптации конституционных механизмов) [25].

Интернационализация конституционного права, а также «конституционализация» международных соглашений, как это продемонстрировано в работах Н.В. Варламовой и

Т.А. Васильевой [26], усиливает контроль национальных судов за корректным применением арбитражных оговорок. Это, в свою очередь, требует от практикующих юристов внимательного соотнесения коллизионных привязок с предписаниями публичного порядка, на что неоднократно обращают внимание англо-американские авторы, анализирующие последствия конституционного многоуровневого регулирования для трансграничных договоров [27].

Результаты исследования органично сопрягаются с классической концепцией примата международного права Х. Кельзена [28] и современным учением о «функциональном верховенстве» международного права над фрагментарными национальными нормами, развивающимся Дж. Кроуфордом в его работе «Principles of Public International Law» [29]. Тем не менее «сумеречные» тенденции конституционализма, описанные Д. Гrimmом, П. Добнером и М. Лафлином [30], показывают: без точного механизма интеграции международных стандартов в национальную систему возможно перерастание доктрины автономии в источник правовой дезинтеграции.

Проведённое исследование доказывает, что действенный синтез международного частного права и МСКП достигается только при условии параллельного учёта доктрины Salini для целей арбитражной юрисдикции, надлежащего конституционного закрепления верховенства международного права и тщательного проектирования коллизионных оговорок в ЕРС-контрактах. Современная практика МЦУИС и арбитражей ЮНСИТРАЛ подтверждает эффективность модели, при которой типовые условия МФИК служат нормативным интерфейсом между национальной регламентацией строительства и многосторонними инвестиционными договорами. Однако применение этой модели требует от российской правовой системы оперативного устраниния нормативных пробелов, связанных с отсутствием механизма адъюдикации, который обязателен по стандартам МФИК. Достижение такого баланса повысит предсказуемость правовой среды для трансграничных проектов, усилит конкурентоспособность российских подрядчиков на рынках БРИКС и минимизирует риски юрисдикционных конфликтов без ущерба для государственного суверенитета.

Библиография

1. Алферова Е. В. Вызовы глобализации и право: исследования российских правоведов (обзор) // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практики. 2016. № 2016. С. 8-30. EDN: XEVUXD.
2. Gary Born and Cem Kalelioglu. Choice-of-Law Agreements in International Contracts // Ga. J. Int'l & Compar. L. 2021. Vol. 50. P. 44.
3. Huang J. Developing Chinese Private International Law for Transnational Civil and Commercial Litigation: The 2024 New Chinese Civil Procedure Law // Neth Int Law Rev. 2023. Vol. 70. P. 205-249. <https://doi.org/10.1007/s40802-023-00243-3>. EDN: XOSDVQ.
4. Yakovleva I. Проблемы, связанные с юрисдикцией в арбитраже Международного центра по регулированию инвестиционных споров (МЦУИС) // BULLETIN of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series. 2022. Vol. 141. No. 4. P. 97-104.
5. Лисицын-Светланов А.Г. Рассмотрение споров по инвестиционным проектам с иностранным участием // Правовой энергетический форум. 2021. № 2. С. 8-13. DOI: 10.18572/2312-4350-2021-2-8-13. EDN: HIGVRK.
6. World Duty Free Company v Republic of Kenya, Award. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
7. Bayindir Insaat Turizm Ticaret Ve Sanayi A.S. v. Islamic Republic of Pakistan (I), ICSID Case No. ARB/03/29. URL: <https://www.italaw.com/cases/131> (дата обращения: 21 марта

2025 года).

8. Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4. URL: <https://www.italaw.com/cases/958> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
9. Romak S.A. (Switzerland) v. The Republic of Uzbekistan, Award. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/919> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
10. The Channel Tunnel Group Limited and France-Manche S.A. v. United Kingdom and France (The Eurotunnel Arbitration), PCA Case No. 2003-06. URL: <https://www.italaw.com/cases/11836> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
11. Saipem S.p.A. v. The People's Republic of Bangladesh, ICSID Case No. ARB/05/07. URL: <https://www.italaw.com/cases/951> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
12. ATA Construction, Industrial and Trading Company v. The Hashemite Kingdom of Jordan, ICSID Case No. ARB/08/2. URL: <https://www.italaw.com/cases/97> (дата обращения: 21 марта 2025 года).
13. Toto Costruzioni Generali S.p.A. v. The Republic of Lebanon, ICSID Case No. ARB/07/12. URL: <https://www.italaw.com/cases/1108> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
14. Autopista Concesionada de Venezuela, C.A. v. Bolivarian Republic of Venezuela, ICSID Case No. ARB/00/5. URL: <https://www.italaw.com/cases/3458> (дата обращения: 15 марта 2025 года).
15. Hussein Nuaman Soufraki v. The United Arab Emirates, ICSID Case No. ARB/02/7. URL: <https://www.italaw.com/cases/1041> (дата обращения: 15 марта 2025 года).
16. Compañía de Aguas del Aconquija S.A. and Vivendi Universal S.A. v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/97/3 (formerly Compañía de Aguas del Aconquija, S.A. and Compagnie Générale des Eaux v. Argentine Republic). URL: <https://www.italaw.com/cases/309> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
17. Pantechniiki S.A. Contractors & Engineers (Greece) v. The Republic of Albania, ICSID Case No. ARB/07/21. URL: <https://www.italaw.com/cases/810> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
18. SGS Société Générale de Surveillance S.A. v. Islamic Republic of Pakistan, ICSID Case No. ARB/01/13. URL: <https://www.italaw.com/cases/1009> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
19. HUTAMA-RSEA Joint Operations, Inc. vs. Citra Metro Manila Tollways Corp. URL: <https://jur.ph/jurisprudence/digest/hutama-rsea-joint-operations-inc-v-citra-metro-manila-tollways-corp> (дата обращения: 22 марта 2025 года).
20. Терешкова В.В., Гадалов Г.А. Применение теста Салини при определении инвестиций в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2022. № 3. С. 35-50. DOI: 10.7256/2454-0633.2022.3.33217 EDN: NFHXLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33217
21. Гликман О. В., Мамедов Л. Р. Механизмы международно-правового регулирования трансграничных трубопроводных проектов в Каспийском регионе // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9 (166). С. 119-131.
22. Яньянь Ж., Сысы Д. Исследование механизма арбитражных разрешений инвестиционных споров государств-членов ШОС и путей их совершенствования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 175-195. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_175_195. EDN: ZPVEAL.
23. Алферова Е. В. Вызовы глобализации и право: исследования российских правоведов (обзор) // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практики. 2016. № 2016. С. 8-30. EDN: XEVUXD.
24. Хлестов О. Н. Международное право и Россия // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 52-59.

25. Умнова-Конюхова И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. – М.: РГУП, 2016. – 672 с. ISBN 978-5-93916-526-6.
26. Варламова Н. В., Васильева Т. А. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / Под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. – М.: ИГП РАН, 2017. – 224 с.
27. Weiler J. H. H., Wind M. (ed.). European Constitutionalism Beyond the State. – Cambridge University Press, 2003.
28. Kelsen H. Principles of International Law. – The Lawbook Exchange, Ltd., 2003.
29. Crawford J., Brownlie I. Brownlie's Principles of Public International Law. – Oxford University Press, USA, 2019.
30. Grimm D., Dobner P., Loughlin M. The Twilight of Constitutionalism? – 2010.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, международное частное право и международное строительное контрактное право. Автор анализирует проблемы выбора применимого права и юрисдикции. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методология включает формально-юридический анализ статьи 42 Вашингтонской конвенции 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (Вашингтонская конвенция 1965 года),, толкование статьи 35 (ранее ст. 33) Регламента ЮНСИТРАЛ, сравнительную оценку англо-саксонских и континентальных распределений рисков, а также арбитражных прецедентов в области международного строительного контрактного права (МСКП). Сочетание указанных методов позволило раскрыть проблему во всей её многослойности".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Выбор применимого права и юрисдикции сегодня формирует повестку любого крупного российского инфраструктурного проекта: без чёткого согласования этих параметров стройки задерживаются, дорожают и погружаются в правовую неопределенность. Процессуальные коллизии множатся по мере того, как глобальная стройиндустрия опирается на распределённые цепочки поставок, а инвесторы активнее прибегают к многосторонним механизмам защиты капиталовложений [1]. Современная доктрина международного частного права подчёркивает, что только корректный выбор права и форума способен минимизировать транзакционные издержки. Гипотеза проведенного исследования состояла в том, что совпадение ключевых коллизионных привязок с критериями допустимости юрисдикции обеспечивает максимальную процессуальную экономию независимо от того, рассматривает ли спор МЦУИС, ad hoc-арбитраж ЮНСИТРАЛ или национальный суд"; "Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу демонстрирующая, что даже при всеобщем признании автономии воли государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [2]. Исследования J. Huang, демонстрируют как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [3]. Работа И. Яковлевой о юрисдикции МЦУИС показывает, что формально безупречная арбитражная оговорка может утратить силу, если спор не подпадает под критерии Конвенции, что особенно чувствительно для строительных концессий [4]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Результаты настоящего исследования подтверждают, что при выборе применимого права и определении юрисдикции в международных строительных контрактах приоритет достигается лишь при согласованном учёте функционально-отраслевых критериев инвестиционной деятельности, сформулированных в практике МЦУИС. Эти критерии, первоначально систематизированные в прецеденте *Salini* и детально отражённые в доктрине предметной юрисдикции МЦУИС российскими исследователями [20], позволяют надёжно отделять договорные притязания от требований, основанных на международном инвестиционном праве. Проведенное исследование подтверждает, что такое разграничение становится особенно убедительным, когда строительно-концессионные модели совмещают элементы ЕРС-контракта и соглашения о защите инвестиций; при этом коллизионная оговорка, встроенная в типовые условия МФИК, способна функционировать как «юридический мост» между публично-правовым режимом и коммерческой сделкой"; "Унифицирующую роль автономии воли сторон следует оценивать сквозь призму глобализационных вызовов, выделенных в российских исследованиях права мирового развития [23]. Они выводят на первый план проблему баланса между суверенитетом и открытостью правовой системы"; "Интернационализация конституционного права, а также «конституционализация» международных соглашений, как это продемонстрировано в работах Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой [26], усиливает контроль национальных судов за корректным применением арбитражных оговорок. Это, в свою очередь, требует от практикующих юристов внимательного соотнесения коллизионных привязок с предписаниями публичного порядка, на что неоднократно обращают внимание англо-американские авторы, анализирующие последствия конституционного многоуровневого регулирования для трансграничных договоров [27]. Результаты исследования органично сопрягаются с классической концепцией примата международного права Х. Кельзена [28] и современным учением о «функциональном верховенстве» международного права над фрагментарными национальными нормами, развиваемым Дж. Кроуфордом в его работе «*Principles of Public International Law*» [29]. Тем не менее «сумеречные» тенденции конституционализма, описанные Д. Гриффом, П. Добнером и М. Лафлином [30], показывают: без точного механизма интеграции международных стандартов в национальную систему возможно перерастание доктрины автономии воли в источник правовой дезинтеграции" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель и методологию. В основной части работы автор вырабатывает научно обоснованные рекомендации по координации коллизионных и процессуальных норм в российской практике по договорам «инжиниринг, снабжение и строительство» (Engineering, Procurement and Construction, EPC) и при использовании типовых форм контрактов, разработанных Международной федерацией инженеров консультантов (МФИК). В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу демонстрирующая, что даже при всеобщем признании автономии воли государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [2]. Исследования J. Huang, демонстрирует как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет

международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [3]" - "Актуальность темы исследования подтверждается работами Г. Борна и Ч. Калелиоглу, демонстрирующими, что даже при всеобщем признании автономии воли государства по-разному очерчивают границы публичного порядка [2]. Исследования J. Huang демонстрируют, как новая редакция ГПК КНР 2024 года радикально меняет международную подсудность и заставляет подрядчиков пересматривать стратегию выбора форума [3]" (см. на орфографию и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 30 источниками (монографиями, научными статьями, аналитическими и эмпирическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведённое исследование доказывает, что действенный синтез международного частного права и МСКП достигается только при условии параллельного учёта доктрины Salini для целей арбитражной юрисдикции, надлежащего конституционного закрепления верховенства международного права и тщательного проектирования коллизионных оговорок в ЕРС-контрактах. Современная практика МЦУИС и арбитражей ЮНСИТРАЛ подтверждает эффективность модели, при которой типовые условия МФИК служат нормативным интерфейсом между национальной регламентацией строительства и многосторонними инвестиционными договорами. Однако применение этой модели требует от российской правовой системы оперативного устранения нормативных пробелов, связанных с отсутствием механизма адьюдикции, который обязателен по стандартам МФИК. Достигжение такого баланса повысит предсказуемость правовой среды для трансграничных проектов, усилит конкурентоспособность российских подрядчиков на рынках БРИКС и минимизирует риски юрисдикционных конфликтов без ущерба для государственного суверенитета"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны специалистов в сфере международного права, международного частного права, международного строительного контрактного права при условии ее доработки: устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция»

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих при реализации трансграничных строительных проектов. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, совокупность норм международного частного и международного арбитражного процессуального права, регулирующих определение права и компетентного форума, а

также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы анализа международных правовых актов, к примеру, Вашингтонской конвенции 1965 года; сравнительно-правовой анализ «ангlosаксонских и континентальных распределений рисков, а также арбитражных прецедентов в области международного строительного контрактного права»; метод моделирования, позволивший выработать рекомендации по реализации коллизионных и процессуальных норм в российской практике по договорам «инжиниринг, снабжение и строительство» (Engineering, Procurement and Construction, EPC), а также при использовании типовых форм контрактов, разработанных Международной федерацией инженеров-консультантов (МФИК).

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете динамично развивающейся строительной отрасли в мире, повышением потребности в восстановлении зданий, строений и сооружений на новых территориях Российской Федерации. Своевременность исследования подчеркивают работы иностранных исследователей, демонстрирующих, «что даже при всеобщем признании автономии воли — государства по-разному очерчивают границы публичного порядка», а также изменения в законодательстве некоторых глобальных игроков строительного рынка, в частности КНР.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одной из первых работ, в которой международное частное право и международное строительное контрактное право исследуются в части применимого права и юрисдикции. Вызывает интерес авторский анализ доктрины, прецедентов и типовых форм контрактов МФИК, выявленные проблемные моменты на стадиях заключения, исполнения и разрешения споров, в результате чего выработаны соответствующие рекомендации по координации коллизионных и процессуальных норм. Теоретически интересными представляются рассуждения о соотношении международного и конституционного права, а именно проиллюстрированные примерами из строительной отрасли процессы интернационализации конституционного права, а также «конституционализации» международных соглашений.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично. Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода. Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Работа представляется оригинальным и завершенным, исходя из возможного объема статьи, исследованием. Ощутимых недостатков статья не имеет.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых и гражданско-правовых исследованиях. Полагаю, что статья «Международное частное право и международное строительное контрактное право: применимое право и юрисдикция» может быть рекомендована к публикации.